

**КОЛОГРИВОВА Е. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
МАЗУРОВ П. Г. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
КОЛОГРИВОВА Е. П. — ВЕРХОВНОМУ СУДУ**

КОЛОГРИВОВ Николай Иванович, родился в 1883 в Орле. Офицер царской армии в чине штабс-ротмистра. В 1910 — женился на Евгении Петровне Кологривовой. В 1914 — на фронте в кавалерийском полку, с 1918 — служил в РККА, в 1925 — после демобилизации проживал с женой в Ленинграде, работал по коннозаводству.

КОЛОГРИВОВА Евгения Петровна, родилась в 1880 в Тифлисе. Получила домашнее образование. В 1910 — вышла замуж за Николая Ивановича Кологривова, штабс-ротмистра. В гражданскую войну проживала в Темир хан Шуре, служила в канцелярии при радиостанции, где работал ее сын от первого брака. С середины 1920-х — проживала с мужем и сыном в Ленинграде, вела домашнее хозяйство.

В марте 1935 — Николай Иванович и Евгения Петровна Кологривовы были высланы на 5 лет из Ленинграда в село Зубчаниновка Самарской (Куйбышевской) области как социально опасные элементы.

В мае 1935 — Евгения Петровна Кологривова обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<26 мая 1935>

26-го V. 35 г<ода>

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

2 года тому назад в одном доме я увидела Вашу карточку, невольно залюбовалась и говорю хозяйке дома: "Какое прелестное лицо. Кто это?" — "Пешкова" — ответила хозяйка дома. Я долго стояла, молча, и любовалась. И вот теперь, когда меня постигло несчастье, и я слышу, что Пешкова многим помогает восстановить справедливость, я сразу вспомнила Ваше прелестное лицо и решила обратиться к Вам. Прилагаю Вам копию, которую я послала, и Вы, прочтя, сами увидите, что моя высылка несправедлива, т<ак> к<ак>, если бы я была пропитана антисоветскими чувствами, то не позволила бы и сыну своему служить в Красной Армии, и сама добровольно не служила бы машинисткой в Красн<ой> Арм<ии> на Кавказском фронте при Радиостанции. Кроме того, я лично не дворянка. Я, будучи всегда иждивенкой сына (от первого мужа), выслана по мужу, но, хотя муж дворянин и бывший офицер (это вся его вина), но он никогда ничем не владел и из-за меня вышел из полка; добровольно служил в Красной Арм<ии>. Не буду повторяться, т<ак> к<ак> Вы из копии все увидите, и добавлю только, что я очутилась в ужасном положении: работать я не могу по состоянию своего здоровья и лет (мне 55 лет). Правая рука в плече сросшаяся, расширение сердца, истощение и такая сильная неврастения, что пишу с трудом (видите, какие каракули?), т<ак> ч<то> ни физическим трудом, ни канцелярской работой заниматься не могу. Муж мой инвалид, большею частью по болезни не может служить и без места, и перед высылкой хлопотал о пенсии, и вот вместо пенсии за всю его добросовестную службу (всегда был индивид<уально> премированный работник, имел несколько грамот), его сюда сослали со мной, больной и старой. И мы здесь должны голодать, т<ак> к<ак> мой сын не может из тех 250 р<ублей> сам жить (еще учиться и платить за правоучение) и нас тут на стороне содержать. Муж же здесь не может получить место, т<ак> к<ак> в самом городе Самаре по его специальности работы нет (он спец<иалист> по лошади, по конному делу и большой спец<иалист> — коннозаводство, скаковое дело), а в область

не пускает НКВД. Ведь если мой муж дворянин и бывший офицер, и его надо удалить из Ленинграда, то я думаю, что Правительство могло бы использовать его, как такого нужного и хорошего работника по конному делу, и послать в соответствующее место, а не выбрасывать ни за что ни про что в Самару умирать голодной смертью! Ведь здесь на нас, ленинградцев, смотрят во всех учреждениях с предубеждением и не берут (7-го IV мы сюда приехали, и до сих пор мой муж без места). Ведь мой муж вышел в офицеры (в кавалерийский полк) только потому, что с детства страстно любил лошадей: всю свою жизнь посвятил этому делу, изучал, читал и готов и сейчас для лошади все сделать, что может, а военную службу не любил. Екатерина Павловна, я Вас прошу помочь нам, чем Вы можете, и, если нельзя меня вернуть вместе с мужем (Кологривов Николай Иванович) в Ленинград, где мой сын нас поддерживал (а в моменты перебоев службы и мужа моего), то хоть меня одну вернуть к моему единственному сыну. А мужу или дать возможность выбрать другое местожительство, где он мог бы работать по своей специальности, или же разрешить уехать в Харьков, где у него сестра служит, которая его приютит и в случае болезни поухаживает, прокормит. Ведь у него периодически открывается рана на ноге, и тогда он не может ходить и надеть сапог, а также от истощения 4-я грыжа начинается; ему уже 3 операции делали в Ленинграде. При нашей высылке из Ленинграда подавали уполномоченному при НКВД, но не сделали никакого обследования и отказали; мы подавали насчет меня туда же прокурору ленинградскому, и тоже без всякого обследования отказали. Это несправедливо. И я обращаюсь к Вашему прекрасному сердцу и душе и прошу помочь восстановить справедливость. В старое время я много страдала от несправедливости, так как не была знатна и богата, неужели же и теперь я должна при социалистическом строе страдать? Простите, что беспокою Вас, но безвыходность положения вынудила меня.

Глубокоуважающая Вас

Е. Кологривова.

P. S. Судя по тому, какой хороший человек хозяин дома, у которого я видела Вашу карточку, думаю, что и Вы прекрасный человек, а потому мне хочется откровенно написать одно событие из моей жизни: у меня была еще одна дочь, прелестная девочка, которую я безумно любила, и когда ей было 8 лет, мой единственный сын убил ее нечаянно из ружья, почти у меня на глазах. Представляете мое горе и ужас бедного моего сына (ему было 10 лет). Это страшно на него повлияло, и он совсем особенный стал. Я много с ним возилась, лечила, помогала учиться. Мы с ним были большие друзья. В 23 году встретились с девушкой 16 лет, которая потеряла мать. Она была прелестная девочка, очень хорошая и страшно нуждалась. Любила я ее, как дочь родную, а она меня, как мать. Мой сын и она полюбили друг друга. Сын учился, она ждала терпеливо 6 лет и за месяц до их свадьбы она умерла в <19>30 году. Представляете горе сына и мое! Он ей верен до сих пор. Жениться не хочет и живет для меня. Мы стали еще больше дружить. Никогда мы с ним не разлучались и жили друг для друга, и вот нас разлучили. Муж мой также с трогательной нежностью и заботой относился всегда к моему несчастному сыну. Сейчас он сдает проект на электроинженера, а я далеко и не могу позаботиться о нем. И вместо того, чтобы спокойно заниматься, он должен беспокоиться обо мне, старой, больной, без всяких средств к жизни. Уехать же сюда ко мне, не закончить учение и бросить могилу горячо любимой невесты — невозможно! Вы, как чуткая женщина, это поймете. Если сможете, то помогите, а я Ваш образ всегда буду хранить в сердце с глубокой благодарностью и любовью.

Е. Кологривова»¹.

В мае 1935 — к Е. П. Пешковой обратился и Петр Гаврилович Мазуров, сын Евгении Петровны.

<27 мая 1935>

27/V - 35 г<ода>. Ленинград.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Я никогда бы не позволил себе обратиться к Вам с просьбой о помощи, если не слышал столько о Вашей отзывчивости и доброте. Мама мне сообщила, что Вы многим помогли в их просьбах, потому обратилась к своему брату Василию Павловичу Дементьеву, прося его написать Вам. Он мне сообщил о своем согласии, предложив мне подать заявление и копию переслать Вам. Я так и делаю. Здесь мне сказали, что надо подать в Московский НКВД. Одновременно с этим письмом, я посылаю туда мое заявление. Я потерял здесь целый месяц, желая попасть к прокурору. Когда же мне это удалось, он сказал, что раз она уехала с мужем, что Вы еще хотите? Я ничего не могу сделать. Вся моя надежда на Вас. В своем заявлении я старался все вспомнить. Между прочим сам Кологривов — инвалид 3-й категории, т<ак> к<ак> у него уже образуется 3-я грыжа (делали 2 операции) и частичная парализованность нервной системы, а мама имеет сращение в плече правой руки, потому признана негодной к тяжелому труду (3-я категория). Только это, кажется, не имеет теперь значения.

Я очень прошу меня извинить за беспокойство. Меня на это побуждает только разлука с матерью. Еще раз прошу меня извинить, и разрешите Вам выразить свою глубокую благодарность.

Глубоко уважающий Вас П. Мазуров»².

В августе 1935 — Петр Гаврилович Мазуров вновь обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<28 августа 1935>

«Общество Политзаключенных,
Екатерине Павловне Пешковой

Заявление

Гр<ажданина> Мазурова
Петра Гавриловича
Ул. Воинова, 39, кв. 23,
г<ород> Ленинград

3 месяца тому назад я послал заявление в Москву, в НКВД, но до сих пор не получил ответа. Могу предположить, что мое заявление пропало, потому я обращаю свою просьбу к Вам.

5/IV с<его> г<ода> моя мать, Евгения Петровна Кологривова, была выслана вместе со своим вторым мужем Николаем Ивановичем Кологривовым по постановлению НКВД в г<ород> Самару, без всяких обвинений последнему, просто как дворянина и офицера. Мать моя не дворянка, дочь лесничего, находилась и сейчас находится на моем иждивении, потому это является для меня очень тяжелым обстоятельством, т<ак> к<ак> одним домом я мог жить на свои 277

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1385. С. 157, 159-160. Автограф.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1385. С. 158. Автограф.

р<ублей>, а на 2 дома просто невозможно. В результате она там с мужем голодают, т<ак> к<ак> работы не могут найти, и я запутался в долгах. Со своей стороны заверяю, что мать моя вполне сознательно относится к настоящему моменту, т<о> е<сть> к тому, что подозрительный элемент должен быть обезврежен изоляцией. Но дело в том, что мать моя совершенно не относится к враждебному элементу, т<ак> к<ак> при старом режиме она была обижена, т<ак> к<ак> была незаконнорожденной, и потому это клеймо лежало на ней в течение ее жизни до переворота, когда были стерты классовые предрассудки. Чтобы на ней жениться, гр<ажданин> Кологривов до войны еще империалистической должен был выйти в отставку из полка. Я надеюсь, что теперь-то она может иметь покой в бесклассовом обществе. Я сам сын военного доктора. В 1918 г<оду> из 7 класса гимназии в г<ороде> Серпухове поступил добровольцем в Красную Армию на автомобильную, полумощную радиостанцию, на которой пробыл до конца гражданской войны. Одно время, поехав за мной в г<ород> Темир хан Шуру, мать моя тоже служила в канцелярии на этой радиостанции. После гражданской войны до демобилизации, пробыл в 23-м отд<ельном> батальоне войск ГПУ. После демобилизации переехал в Ленинград, где все время проживаем. Окончив средне техническое образование со званием электротехника, работаю на должности инженера в проектно отделен<ии> Лен<инградского> отд<еления> Электройрома с 1930 г<ода>.

Мать моя помогала в хозяйстве, потому, лишившись ее помощи, я очень затруднен в своих бытовых условиях, потому прошу ее возвратить.

П. Мазуров

28/VIII-35 г<ода>»³.

29 апреля 1936 — Николай Иванович Кологривов был арестован как «участник контрреволюционной группировки» и заключен в Ардатовскую тюрьму. 28 июня освобожден, дело прекращено⁴.

29 апреля 1936 — Евгения Петровна Кологривова была арестована как «участница контрреволюционной группировки» и заключена в Ардатовскую тюрьму. 7 марта приговорена «за антисоветскую агитацию» к 4 годам ИТЛ и отправлена в лагерь⁵.

В мае 1936 — Евгения Петровна Кологривова обратилась с "Кассационной жалобой" в Спецколлегию Верховного суда РСФСР.

<25 мая 1936>

«Копия

В Спец<иальную> Коллегию
Верховного суда РСФСР

Кологривовой Евгении Петровны,
осужденной Спец<иальной>
Коллегией Куйбышевского
Крайсуда по ст<атье> 58-10

Кассационная жалоба

Приговором Спец<иальной> Коллегии Куйбышевского Крайсуда 1936 г<ода> октября 15, 16-го дня я приговорена к лишению свободы сроком на 4 года с поражением изб<ирательных> прав на 3 года. Находя ведение

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1385. С. 161. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1559. С. 88. Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. — М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1559. С. 88. «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. — М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

дела неправильным, прошу Верх<овный> Суд РСФСР отменить приговор и назначить дело на новое рассмотрение. Следствие надо мной велось очень пристрастно. Следователь, пользуясь бессознательным состоянием моим вследствие сердечного припадка, вынудил меня подписать 2 протокола на очной ставке: показание гр<ажданки> Бариновой Екатерины (старшей) и священника Лаврентьева. При подписании предъявленного листа об окончании следствия, увидев, что в протоколе гр<ажданки> Бариновой старшей написано следователем не то, что я слыхала, <и> показывала Баринова, я отказалась подписать <протокол> об окончании следствия и требовала новых очных ставок и обжаловала Прокурору по спец<иальным> дел<ам> Зарубину. Назначено было новое доследование, которое велось с таким же пристрастием, но я не подписала протоколы очных ставок. На первой очной ставке со священником Лаврентьевым указано, что я, познакомившись в пути с гр<ажданином> Лаврентьевым и узнав, что он служитель культа религ<иозного>, стала высказывать к<онт>-р<еволюционные> враждебные взгляды, что "храмы разрушают, колокола снимают, свящ<енников> обкладывают налогами непосильными, и насчет колхозов и т<ак> д<алее>". Но, когда я обжаловала в Прокуратуру, что это невозможно, не правда, т<ак> к<ак> езды между ст<анциями> Смиляевкой и Зубчаниновка 5 минут и фактически невозможно познакомиться и столько чего успеть высказать за 5 минут, то на 2-й очной ставке была эта вариация изменена, и было сказано мне, что разговор этот происходил в церкви, но этого и вообще места, где происходит разговор со свящ<енником> Лаврентьевым, следователь в протоколе предусмотрительно не указывает. На суде, когда свящ<енник> Лаврентьев стал говорить, что разговор был в церкви, я просила предс<едателя> суда сверить его показание с показанием на первой очной ставке, где указано, что в пути, но протоколов первых очных ставок в деле не оказалось. Я просила предс<еда-теля> суда об этом внести в протокол, но не знаю, внесено это или нет. На мое заявление предс<едателю> суда, что разговор такой не мог быть в церкви, т<ак> к<ак> свящ<енник> Лаврентьев на 2-й очной ставке сказал мне следующее: "Я на Вас не доносил, но только подтвердил то, что мне было предложено о том, что мы говорили с Вами наедине!" — На мой вопрос: "Где же это наедине? Ведь в церкви это не наедине", — свящ<енник> Лаврентьев начинает путаться и указывает на новое место, якобы, мы говорили, когда слезли с поезда и шли по улице до его дома. Но его дом 2-й от станции, и хоть бы до дома его опять-таки 5 мин<ут>, не более. И, несмотря на мои протесты перед судом, что свящ<енник> Лаврентьев не может указать места, где мы "наедине" говорили и, несмотря на то, что свящ<енник> Лаврентьев энергично показывает, что, будучи у него один раз на квартире, я же никаких к<онтр>-р<еволюционных> разговоров не вела, а только пришла посоветоваться о больном муже, суд не принял ничего во внимание и обвиняет меня в к<онтр>-р<еволюционных> разговорах на улице. Старшая гр<ажданка> Баринова Екатерина на очной ставке показывала следующее: "Я спросила гр<ажданку> Кологривову, трудно ли им жить, и она сказала: "да трудно, т<ак> к<ак> муж не служит, но я верующая, молюсь Богу, и он мне помогает, и я все терплю". Но в протоколе очной справки записано совершенно другое. Гр<ажданка> Баринова на суд не явилась по болезни, и я, не желая откладывать дела в силу своего болезненного состояния здоровья, расшатанного совершенно 5½ месяч<ым> сидением в тюрьме, согласилась на разбор дела с тем, что суд примет во внимание мое заявление, что показания гр<ажданки> Бариновой расходятся с записью следователя в протоколе. Суд обещал принять во внимание мое заявление, но этого не исполнил, и в приговоре ссылается на контр<еволюционный> разговор в доме Бариновой.

Младшая Баринава Матрена Ивановна энергично показывает, что я никаких к<онтр>р<волюционных> разговоров у них в доме не вела, и на заявление предс<едателя> суда, что в протоколе написано, что я вела к<онтр>р<волюционные> разговоры, она энергично отрицает, говоря, что это "следователь приписал от себя". На строгое замечание члена суда Логиновой: "Как Вы можете так говорить на сотрудника НКВД? Вы лжете!", — гр<ажданка> Баринава ответила: "Я говорю правду, гр<ажданка> Кологривова никаких к<онтр>р<волюционных> разговоров не вела, и на допросе у следователя я также говорила". На вопрос предс<едателя> суда: "Как же Вы подписали протокол?" — гр<ажданка> Баринава ответила: "Я малограмотная и протокол не читала". И, несмотря на такое энергичное заявление Баринавой Матрен<ы> Ив<ановны> и отсутствие на суде старшей гр<ажданки> Баринавой Екатер<ины>, не подтвердившей показаний в протоколе, меня обвиняют в к<онтр>р<волюционном> разговоре на квартире гр<аждан-ки> Баринавой. Все остальные свидетели по делу Милорадович, как и сами обвин<ения> гр<ажданки> Милорадович и гр<ажданки> Розен единогласно показывают, что я никогда нигде не вела к<онтр>р<волюцион-ных> разговоров, у Милорадовича была несколько раз по чисто бытовым, хозяйственным надобностям, а у Розен никогда не была, и они меня не знают. Моих свидетелей, которых я просила вызвать, Спец<иальная> Коллегия не вызвала. В приговоре сказано, что я выслана из Ленинграда, как соц<иально> опасный элемент, и жила без определенных занятий. Выслана я только потому, что муж выслан, как б<ывший> офицер, и считаю свою высылку неправильной, что уже обжаловала в Московс<ком> НКВД, т<ак> к<ак> я всегда была иждивенкой сына от первого мужа, не дворянина, и здесь жила все время на средства сына, получая ежемесячно 200 руб<лей>, что подтверждается почтовыми переводами. Я прошу принять во внимание Верховн<ый> Суд, что мой дед утерян русскими войсками при освобождении Грузии от ига персов и др<угих> варваров и был воспитан в школе кантонистов для детей солдат, а отец мой был бедный служащий, лесничий, и жил, не венчаясь с моей матерью 35 лет. Я была незаконная их дочь. Я не имела бумаг и не имела права учиться нигде, и была вне закона, как уличный беспризорный щенок (получила домашнее образование и училась музыке в Кавказской консерватории). 16 было мне лет, когда вышел закон, разрешающий внебрачных детей усыновить, и мой отец меня усыновил, на что лежит бумага в Ленинграде у сына. Мой отец был студент 60-х годов, воспитанный на "Что делать?" Чернышевского. А моя мать из первых женщин боролась за свободу женщины, живя 35 лет, не венчаясь и вынося презрение и оскорбление от общества. Я также не ужилась с 1-м мужем, ушла от него и, не имея развода, жила со своим 2-м мужем, не венчаясь 3 года, терпя всякие оскорбления от общества. А когда я добилась развода, и Кологривов захотел венчаться со мной, чтобы дать мне права жены, то полк его изгнал из своей среды, считая меня недостойной войти в семью полка. Родители мужа меня тоже не признавали и не приняли в свою семью, и отец мужа умер, не примирившись со мной. Всю свою жизнь я страдала от старых законов и традиций жестокого, гнилого и развратного общества. Как я могу быть контрреволюционной? Как я могу быть за старое? За гнилую отжившую монархию? Я могу только радоваться и приветствовать все новые законы, раскрепостившие женщину, рабу мужа и традиций общества, и давшие женщине такой широкий путь, такую широкую дорогу и в общественной жизни и личной, как ни в одной стране! Мой муж был вместе со мной в одно время арестован и, будучи дворянин и б<ывший> офицер, освобожден, а я, не дворянка, незаконная дочь бедного лесничего, приговорена так сурово из-за каких-то сбивчивых, лживых показаний

испугавшегося священника, лишенца, политически неблагонадежного, судившегося ранее и отбывшего наказание за контрр<е-волюционную> деятельность. Почему ему оказано такое доверие, священнику, лишенцу? А также из-за приписок следователя усердного, как утверждает гр<ажданка> Баринава Matr<ена> Ив<ановна>. Мне ставил в вину следователь не раз на допросах, что я, прикрываясь религиозностью, вела пропаганду, что я носила траур постоянно потому, что Советская власть, что я отошла от жизни потому, что мне не нравится Советская власть. Я стала религиозной и носила всегда траур, потому, что в 1911 году 24-го мая Коля, мой единственный сын 11 лет, убил на моих глазах нечаянно из ружья мою единственную, горячо любимую дочь 9 лет. Это меня так потрясло, что я, будучи почти неверующей, стала верующей, надеясь после смерти опять увидеть свою дочь в другом мире. Имела другую приемную дочь 16 лет, которую очень любила и которая была невеста моего сына, и та за месяц до свадьбы тоже умерла в 1930 году. Все это очень потрясло меня и сына и вынудило меня уйти в религию и искать там утешения. Все это (смерть трагическая одной дочери и другой) могу доказать документально. Здесь в провинции мой следователь ставит мне в вину мою религиозность, не верит моим объяснениям, говорит: "Врете, врете, врете! Рассказываете сказки и т<ак> д<алее>". Но там, в центре, я надеюсь, что в преддверии такой конституции, имеющей пункт "Свобода веры", не может Верх<овный> Суд так смотреть и ставить в вину мне, что я верующая и что я жена б<ывшего> офицера! Я прошу Верх<овный> Суд разобрать справедливо и беспристрастно мое дело, освободить меня и вернуть меня к моему старому, больному мужу, с которым я прожила 26 лет, и к своему несчастному, одинокому сыну, посвятившему мне жизнь. Мой сын, получая 300 руб<лей>, 200 руб<лей> высылает нам и себе оставляет только 100 руб<лей>. Мой муж честно и добросовестно служил Советской власти в Красной Армии и по Коннозаводству имеет ударные грамоты и благодарности от Буденного. Сын мой добровольно поступил в Красную Армию, был 4 года красноарм<ейцем>, и я служила на Кавказском фронте машинисткой при Радиостанции в 20 году. Кроме всего, выше изложенного, прошу принять во внимание, что мой муж с августа месяца 1935 года заболел малярией и болел в очень сильной форме вплоть до ареста 29-го апреля 1936 г<ода> (9 мес<яцев> и в тюрьме все 2 месяца болел и лежал в больнице и освободили больного и сейчас болеет). Все это подтверждается документально доктором амбулатории пос<елка> Зубчаниновка, и ежемесячно сообщалось в НКВД, т<ак> к<ак> не мог являться иногда в силу сильных припадков на отметку. Я, ухаживая за мужем, дни и ночи не отходила от постели тяжело больного мужа и фактически не имела никакой возможности заниматься к<онтр>-р<еволюционной> пропагандой. Гр<ажданин> Руж Карл Людвиг<ович>, живя по соседству и служа в городе, привозил для больного масло, вино, хлеб и другие нужные продукты, т<ак> к<ак> я не имела возможности отлучаться от постели больного мужа. Я даже подавала через Общ<ество> Пом<ощи> пол<итическим> закл<юченным> просьбу в Московс<кий> НКВД о разрешении переехать в другое место и приложила заключение врача о необходимости перемены места для больного. Просила и следователя и Спец<иальную> Коллегию вызвать гр<ажданина> Руж, чтобы он это засвидетельствовал, и что, встречаясь со мной часто за 10 мес<яцев>, не только не слышал ни одного слова контрр<еволюционного> или недовольства за высылку, но даже вообще никакого недовольства тяжелыми обстоятельствами моей жизни. Целый ряд лиц, как квартирохозяйки, соседи, другие молочницы, у которых подолгу брали молоко, могут засвидетельствовать, что никаких контрр<еволюционных> разговоров не вела, а об колхозах не имею никакого

понятия, т~~ак~~ к~~ак~~ всегда жила в городе и вообще о сельском хозяйстве, ни старом, ни новом, не имею понятия и не могу интересоваться тем, чего не знаю. Не странно ли, что целый ряд лиц, из которых гр~~ажданин~~ Кусов, живший с 12-го апреля 1935 г~~ода~~ до середины сентября рядом в комнате, перегородженной узкими тонкими досками не до верха, не слышал ни одного слова контрр~~еволюционного~~, гр~~ажданка~~ Михрютина, жившая по соседству и встречающаяся со мной по несколько раз в день, и многие другие лица не слышали ни одного слова контррев~~олюционного~~, а священник Лаврентьев, с которым, как указано в первом протоколе очной ставки, познакомилась в пути, и вдруг оказала такое доверие, что стала ему высказывать к~~онтр~~р~~еволюционные~~ взгляды и успела их выложить за 5 мин~~ут~~ езды в таком обилии, что успели коснуться закрытии церквей, налоговых мероприятий и колхозного строительства. Конечно, это ложь. А также и со старшей гр~~ажданкой~~ Бариновой Екатер~~иной~~ я говорила несколько минут, пока младшая гр~~аж-данка~~ Баринова Matr~~ена~~ Ив~~ановна~~ надоила мне маленькую кружечку в ½ литра молока, и зная, что она и ее сын коммунисты, и вдруг начала высказывать перед ней к~~онтр~~р~~еволюционные~~ взгляды? Это же явно ложное обвинение, что и подтверждает младшая гр~~ажданка~~ Баринова Matr~~ена~~ Ив~~ановна~~. Так как я человек грамотный, культурный и знаю, что можно говорить, а что нельзя, за что понесешь ответственность, а за что нет. Следовательно слишком увлекся в своем усердии, во что бы ни стало сделать меня к~~онтр~~р~~еволюционеркой~~ (как жену б~~ывшего~~ офицера), и не раз считал все это, когда сочинял на меня эти неправдоподобные обвинения. Я смело говорю о том, что они ложны, т~~ак~~ к~~ак~~ это подтверждалось гр~~ажданкой~~ Бариновой М. И. В приговоре обо мне сказано, что из семьи имею одного мужа, несмотря на мое заявление, что имею одного сына от первого мужа, иждивенкой котор~~ого~~ была всегда, и сейчас жила с мужем на его средства, получая ежемесячно по 200 руб~~лей~~, что подтверждается почтовыми переводами.

Еще раз прошу Верх~~овный~~ Суд справедливого и беспристрастного суда, оправдать меня и отпустить доживать свои последние годы в семье, где я еще могу быть полезной 2 работникам нашей молодой Социалистической стране, а не в лагерь на 4 года в 57 лет, с большим сердцем, сильной неврастенией, катаром желудка, истощением и слабостью умирающего организма, где я ни на что не буду годна, т~~ак~~ к~~ак~~ даже не имею никакого специального образования, чтобы меня использовать.

Кологривова»⁶.

---

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1570. С. 141-147. Автограф.